

ЕВГЕНИИ ГРИШКОВЕЦ: «У КАЖДОГО ПИСАТЕЛЯ ДОЛЖНА БЫТЬ ПЕЧКА»

ЕВГЕНИЙ Гришковец - лауреат многочисленных литературных и театральных премий, в том числе «Антибукера» и «Золотой маски». Душевность монологов, которые Гришковец произносит со сцены, обеспечила ему популярность в самых широких кругах и сделала культовой фигурой поколения сорокалетних. Компакт-диски с этими монологами опережают по популярности записи самых модных групп. Поклонники пачками раскупают и книги Гришкова. Свою новую книгу под названием «Планка» писатель и актер представлял петербургским читателям во вторник вечером. О разнице между простотой и примитивностью, о смерти поэзии и своих попытках проникнуть в большой кинематограф Евгений рассказал корреспонденту «Смены».

Жизнь моряка невозможна без мата

- Евгений, некоторые критики сравнивают ваши книги с наивными школьными сочинениями. Как вы относитесь к подобной оценке?

- Дело в том, что школьные сочинения пишут люди нетворческие. Дети всегда стараются изложить то, что нравится учительнице. Я же в своих книгах никому не стараюсь угодить. К тому же я могу показаться примитивным только поверхностным критикам. Мои повести имеют очень сложную композицию, в них довольно непростой синтаксис. Хотя я и пишу короткими предложениями, они очень хитро выстроены. Никакой наивности там нет и быть не может.

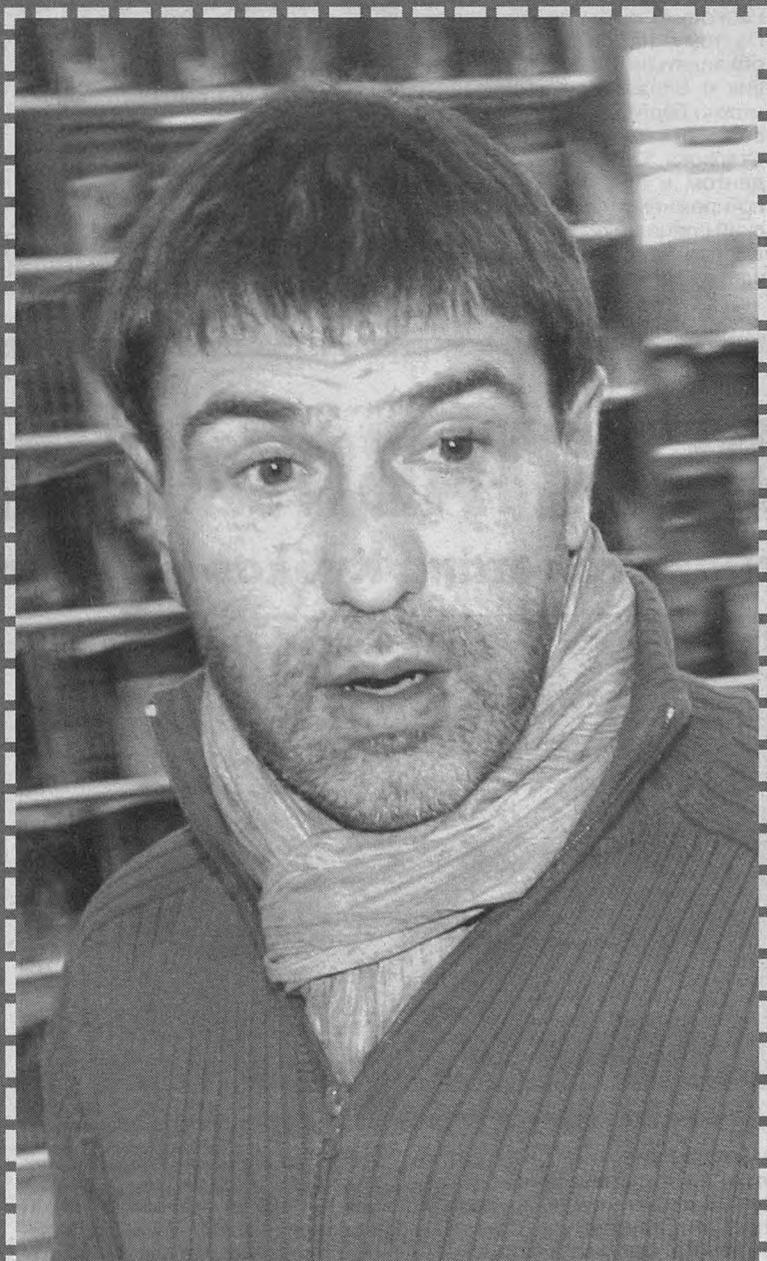
- Какие сюрпризы ожидают читателей вашей новой книжки?

- «Планка» вышла в свет около месяца назад. В ней восемь рассказов: три истории из жизни юного военного моряка, более-менее автобиографические, и еще пять, с историей моей жизни никак не связанных. Хочу сразу предупредить, что раз пять или шесть я не смог обойтись без употребления не совсем цензурных выражений. Если кто-то из принципа не воспринимает их в напечатанном виде, то ему лучше не покупать книжку.

- Говорят, вы не пользуетесь компьютером и пишете начистовую, почти без помарок?

- Свои рукописи я никому не показываю, потому что в них очень много грамматических ошибок. При этом они довольно чистые, стилистических правок нет. У меня в рабочем кабинете есть печка, но я очень редко ею пользуюсь, за последнее время почти ничего не сжег. Но все равно у каждого писателя в кабинете обязательно должна быть печка.

Культовый писатель и актер иногда сжигает собственные творения

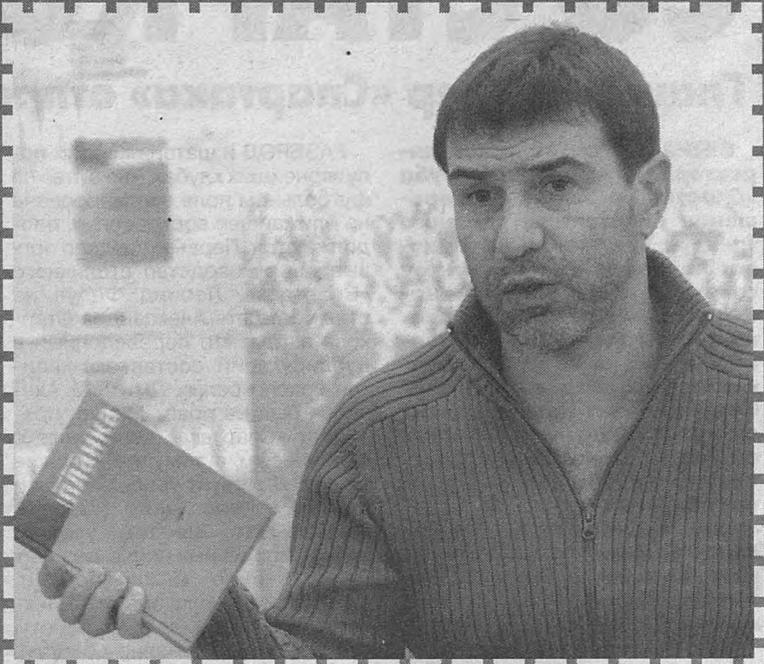
«Писать стихи - бессмысленно»

- Вы настоящий «мультиинструменталист» - играете в театре, пишете книги, записываете музыкальные диски. Не планируете, скажем, взяться за написание стихов?

- В свое время я занимался стиховедением, диплом написал по Гумилеву. Да и в юности, конечно, писал стихи. В рукописном виде они не сохранились. Самое страшное, что я их

- Евгений, вас изредка можно увидеть и в кино. Как вы оцениваете свои роли?

- Я снимался в нескольких картинах. В «Азазеле» и фильме Говорухина «Не хлебом единым» были только эпизоды с моим участием, а что касается «Прогоулки», то там была настоящая роль. Еще я сыграл писателя Галахова в фильме «В круге первом». Прототипом Галахова был Константин Симонов. До съемок я не читал роман Солженицына. Он никогда не был моим любимым писателем, к тому же, когда в период пере-

помню. Я их никогда не прочту и не запишу, потому что если их напечатать, то от меня отвернутся не только читатели, но и ближайшие родственники и дети. За эти вирши мне действительно стыдно. Вообще всем поэтам я бы посоветовал стихи не писать. По той простой причине, что сейчас поэзия не имеет никакого социального значения. Метафоры нынче потеряли смысл.

- Для вас важно, чтобы ваши произведения имели социальное значение, были востребованы читателями и зрителями?

- Конечно, важно. В этом есть практическая, жизненная необходимость. За счет этого я живу. Чем больше будет выходить моих книг, тем больше я получу денег. Знаете, я ни разу в жизни не держал в руках «бюджетных» денег, никогда не получал зарплату. Я всю жизнь жил только на средства, вырученные от продажи книг или билетов на спектакли. К этим деньгам я отношусь с большим уважением и всегда благодарю людей за то, что они финансируют мои будущие работы и жизнь моих детей.

Гришковец против Солженицына

- Кого из современных российских авторов вы считаете настоящими писателями?

- Есть один правильный принцип: «Не можешь не писать - пиши». Если человек может не писать, то он не писатель. Некоторым людям не нравится то, что написала Оксана Робски. Даже Донцова в большей степени писатель, чем Робски. Для Донцовой важно, чтобы ее «конвейер» работал. А Робски не умерла бы, если бы не написала свою книгу. И это видно по тексту. Наверное, лучше, чтобы и не написала вовсе.

- Но любимые книги у вас все же есть?

- Мне не хотелось бы отвечать на этот вопрос. Мое частное мнение о книгах ничуть не ценнее вашего. Вообще говорить о своих пристрастиях нескромно.

стройки его начали публиковать, у меня была настолько тяжелая жизнь, что мне просто не хотелось читать эти «кирпичи». Солженицын в романе буквально размывает бедного Симонова, представляет его как неприятного и лживого человека. Но мое впечатление о Симонове совсем другое. Он не был выдающимся писателем и шел на серьезные компромиссы, но он не был и подлецом. В тексте у Солженицына Галахов не произносит ни слова, но мы с Глебом Панфиловым сочинили для него монолог. Это речь запутавшегося и несчастного человека, но никак не подонка. Вообще мне было очень интересно сниматься у Панфилова, он крупный мастер, каких сейчас почти не осталось.

Таинственное преображение

- Популярность пришла к вам уже в зрелом возрасте. Испытываете ли вы волнение, выходя на сцену, или уже привыкли?

- В самом начале театральной деятельности я был уверен, что меня точно не поймут и что это никому не надо. Справиться с волнением полностью невозможно. Конечно, есть привычка, навыки. Волнение - это необязательно тряска и проблемы с дыханием. У меня перед спектаклем до сих пор возникает неадекватное поведение: или очень хочу пить, или до последнего с кем-то разговариваю. Я не боюсь зрителей, поэтому откуда возникает этот мандраж - непонятно. Но это чувство для меня драгоценно.

- Театр как-то повлиял на вашу самооценку?

- Мне очень нравится быть на сцене. Там я выгляжу лучше, чем в жизни. Однажды в Норильске ко мне подошла девушка ростом не больше метра пятидесяти с цветком в руке и сказала: «Ой, какой вы, оказывается, маленький!» На сцене я даже думаю быстрее. В театре я всегда делаю то, что хочу, и то, что актуально. Если из спектакля уходит актуальность, я перестаю его играть.